

Российская империя как этнокультурный феномен

Каждая империя является не только геополитическим и социальным феноменом, но и феноменом культурным. «Колонизация — это экстенсивная сила народа, его способность воспроизводиться, шириться и расходиться по земле, *это подчинение мира или его обширной части своему языку, своим нравам, своим идеалам и своим законам*»¹, — писал в середине прошлого века француз Л. Болье (курсив мой. — С. Л.). Это в конечном счете попытка приведения мира в соответствие с тем идеалом, который присущ тому или иному народу. Причем идеальные мотивы могут порой преобладать над всеми прочими — экономическими, военными и другими. Во всяком случае они постоянно проявляются в действиях державы, в ее отношении к другим народам: в том, как колонизаторы предопределяют судьбу той или иной страны, какого поведения требуют от завоеванных народов.

Что представляла собой Российская империя в ее идеальном образе? Она должна была заменить собой империю Византийскую, стать Третьим и Последним Римом, единственным земным царством Православия. Православие и было той идеей, которую должно было нести с собой русское государство, и включение в него новых и новых земель означало расширение пределов православного мира и увеличение численности православного народа. Таким образом, парадигмы религиозные и государственные сливались: государственная мощь империи связывалась с могуществом православия, а последнее в данном случае выражалось посредством державного могущества — происходила сакрализация государства. Русское переставало быть этнической характеристикой и становилось государственной: все, что служит процветанию православной государственности, является русским. Не русские — православный народ, а весь православный народ — русский, по имени православного государства. Эта мифологема проявлялась не столько через эксплицитное идеологизирование, сколько эксплицитно, через действия, поступки, реакции людей, строивших Российскую империю.

Но мифологема воплощалась в реальном мире. И в том пространстве, которое возникало между мифологемой и жизнью, разворачивались такие события и отношения, которые создавали для носителей имперской идеи не только внешние, но и глубокие внутренние конфликты, предопределенные к возникновению глубинной противоречивостью идеологии Российской империи.

¹ Болье Л. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877, с. 517.

Психологический очерк народной колонизации.

«От тундры до пустыни идут потоки русской колонизации»². История России есть «история страны, которая колонизируется»³. И хотя массовые коллективные переселения не являются специфической русской чертой, «русские переселения существенно отличаются от аналогичных движений в Западной Европе тем, что они не имели характера эмиграции. (...) Новые территории, приобретаемые русскими, являются в полном смысле слова продолжением России»⁴.

Граница определяется передовой линией русских отрядов. Это восприятие мы встречаем и у Пушкина в его «Путешествии в Арзрум». «Вот и Арпачай,— говорит мне казак.— Арпачай! Наша граница. (...) Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видел я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное. (...) И я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег уже был завоеван. Я все еще находился в России»⁵.

Переселенцы размещались вблизи и среди аборигенов, легко находили с ними общий язык и не чувствовали себя принадлежащими к какой-либо касте господ: учились у туземцев ведению сельского хозяйства в новых для себя условиях, арендовали у них землю, овладевали их языками. Разумеется, крестьяне вовсе не ставили своей задачей русификацию края. Однако «и следов не осталось от чуди, от вятичей, от мешеры, но племена эти не истреблены, не вымерли, как индейцы в Америке, а ассимилировались с русским населением. (...) Эволюция совершалась постепенно, сама собой, без лишней поспешности. (...) Связь русских пришельцев с инородцами-аборигенами во многих случаях цементировалась под восьмиконечным крестом»⁶. Монастыри, скиты, церкви были одним из важнейших оплотов колонизации.

Русские крестьяне неуютно чувствовали себя только там, где сталкивались с туземными народами, обладающими собственной развитой культурой и национальным чувством, как это было в Закавказье или, например, в Приамурье, где китайцы жили абсолютно изолированно от русских (в отличие от корейцев, легко поддававшихся ассимиляции), и отношения между двумя этническими общинами были напряжены до крайности⁷. Русский человек не чувствует себя господином над аборигенами, в каких-то ситуациях он может без всякого душевного надлома пойти в услужение к богатому туземцу. Но всякое проявление национальной обособленности, национального чувства для него дискомфортно, как нарушение общегосударственной однородности. По мере возможности он стремится нейтрализовать его⁸.

Государственная политика колонизации

Государственная политика в вопросе колонизации в целом коррелировала с народным сознанием. Она определялась потребностью в заселении окраин как способе упрочнения на них русского господства. «Правительство заботилось о создании на окраинных землях земледельческого населения, пользуясь для этой цели и ссылкой, и «накликом свободных хлебопашцев», которым предоставлялись различные льготы и пособия и давались в пользование земли. (...) Попутно с этой

² Д р а ц и н Дм. Колонизационные задачи в Закаспийской области. «Вопросы колонизации». Т. 7. СПб., 1910, с. 136.

³ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905, с. 3.

⁴ Там же, с. 6

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8, ч. 1. М., 1938, с. 463.

⁶ П о г о ж е в В. П. Кавказские очерки. СПб., 1910, с. 269.

⁷ С м. П о п о в А. Желтый вопрос в Приамурье. «Вопросы колонизации». Т. 7. СПб., 1910, с. 98.

⁸ Подробнее о характере и психологии крестьянской колонизации см. Российская государственность и русская община. «Знание—Сила», 1992, № 10; Русское колониальное сознание и этнополитическая реальность Закавказья. «Восток», 1993, № 3.

правительственной колонизацией шла «вольная колонизация». (...) Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое зерно завоевателя»⁹.

Обычно правительство не прибегало к дискриминации инородцев, которые были для него «своими» гражданами империи, вплоть до того, что иногда местная администрация, пекущаяся прежде всего о «вверенном ей населении», сама «являлась одним из существеннейших тормозов, задерживающих переселение (русских) в ту или другую окраину»¹⁰. Однако администрацию менее всего интересовали этнографические особенности этого «вверенного ей населения». Туземцы просто делятся на «мирных», не противящихся русской власти, выучивающих русский язык и отдающих детей в русские школы, и «буйных», оказывающих сопротивление. Так, во времена Кавказской войны все племена Кавказа «назывались одним именем — черкесов и кратко характеризовались даже в официальных бумагах как мошенники и разбойники»¹¹. Это отсутствие любопытства психологически объяснялось тем, что финал все равно был предreshен: каждый народ должен был рано или поздно слиться с русским или уйти с дороги, а потому исходная точка интересовала только специалистов.

Все «свое» население перестраивалось по единому образцу. Бывшие административные единицы уничтожались и на их месте создавались новые, «часто с совершенно искусственными границами и всегда, где это было возможно, с пестрым этнографическим составом населения»¹². Расформировывалось местное самоуправление всех видов, система судопроизводства реформировалась по общероссийскому образцу, туземная общественная иерархия приводилась в соответствие с русской. Дворянство всех христианских народов приравнивалось в правах к русскому дворянству. Туземцы активно участвовали в местной администрации, порой обладая в ней очень значительным влиянием, становясь высшими государственными чиновниками и занимая высшие командные посты в армии; они вписывались в единую государственную иерархию и сами являлись «русской властью». «Лорис Меликов не армянский генерал,— восклицал публицист,— а русский генерал из армян»¹³. Создавалось единое административное пространство на всей территории империи.

Как это ни кажется удивительным, никакой идеологической программы колонизации, сопоставимой, скажем, с английской, где упор делался на то, что англичане несли покоренным народам просвещение и цивилизацию, в России не существовало. В специальных изданиях, посвященных теоретическим аспектам колонизации, рассматривались самые разные проблемы, но только не ее идеологическое обоснование. Видимо, в том не было нужды, оно подразумевалось само собой и основывалось на народной идеологии. Изредка повторялись трафаретные фразы о том, что Россия должна нести инородцам культуру, но обычно либо в весьма прозаическом контексте, где под культурой имелись в виду современные способы ведения хозяйства, либо в качестве упрека местной администрации — должна, но не несет: «За пятьдесят лет нашего владычества на Кавказе и за Кавказом, *что* мы, т. е. народ, сделали особенно полезного для себя и туземцев»¹⁴.

Не было и разработанной методики колонизации. Если же колонизационные теории и появлялись, то они были удивительно неуклюжи и абсолютно неприемлемы на практике. Так, например, «вся кавказская колонизационная политика являлась донельзя пестрой. (...) Вероятно, не найдется во всемирной истории колонизации ни одного примера системы его, который не нашел бы себе подражания на Кавказе»¹⁵. Однако применение всех этих систем было кратковременным и мало влияло на общий уклад кавказской жизни. На Кавказе, так же как

⁹ Кауфман А. А. Указ. соч., с. 11.

¹⁰ Там же, с. 10.

¹¹ Аракский И. Ф. Закавказье. СПб., 1910.

¹² Худалов В. И. Закавказье. Историко-экономический очерк. М.-Л., 1926 с. 2.

¹³ М. М. Грузино-армянские претензии и Закавказская революция. Киев, 1906, с. 27.

¹⁴ Егоров П. П. Несколько слов о Шамиле и Кавказе. Без места и года издания.

¹⁵ Липранди А. Кавказ и Россия. «Мирный труд», 1911, № 8, с. 286.

и везде в империи, колониционная политика проводилась без всякой теоретической базы, на основании одной лишь интуиции; в основе ее лежала русская психология колонизации, о которой мы говорили выше, причем основные ее парадигмы проводились в жизнь чаще всего абсолютно бессознательно. Эти интуитивные методы могли быть самыми разнообразными. Гомогенность территории империи достигалась тысячами разных способов. И в каждом случае это было не правило, а исключение.

Мифологема Российской империи и восточный вопрос.

Восточный вопрос имел для России центральное значение не только в геополитическом, но и в идеальном плане — и в этом отношении его основной смысл состоял в борьбе за Константинополь. С точки зрения центральной мифологемы Российской империи завоевание Константинополя должно было стать кульминационным пунктом создания новой Византии. Надо отметить, что все русско-турецкие войны были довольно популярны в русском народе. Люди не то чтобы рефлексировали их смысл, но ощущали их как нечто внутренне закономерное.

Однако отношение русских к Константинополю не столь просто, как это кажется. Можно даже говорить об особом *Константинопольском комплексе* в сознании русских. Несмотря на то, что Второй Рим представлялся вожажденной мечтой, на нем как бы лежало «табу», так что первый и единственный план реального овладения им относится лишь к годам первой мировой войны, хотя возможности для таких попыток представлялись или могли представляться и ранее. В период зарождения Российского государства русские цари охотно декларировали захват Константинополя в качестве своей цели, что было козырной картой их западной политики, но всерьез эта перспектива не рассматривалась вплоть до царствования Екатерины II. В 1833 году русская эскадра стояла в Босфоре (под предлогом помощи султану в подавлении мятежа Магомета-Али в Египте), а в 70-е годы русские в результате Балканской войны подошли к самым стенам Стамбула. Однако овладеть городом так и не попытались. Причем из-под стен Константинополя русские уходили с какой-то нервной поспешностью, как бы не будучи уверены сами в себе: вдруг не удержимся и пойдем на штурм города-мечты.

Какую же смутно ощущаемую психологическую опасность таил Константинополь для русских? Овладеть Царь-градом в идеальном смысле означало возвращение христианами своей древней столицы, Второго Рима. Москва как Рим Третий лишалась своего смысла. Это не осознавалось, а, скорее, ощущалось, чувствовалось. Более того, Константинополь не мог быть русским. Он был общей столицей всей восточно-христианской ойкумены, всех тех разноязыких народов, которые были детьми византийской культуры.

Именно поэтому наибольшая противоречивость Российской империи должна была проявиться в ее восточной политике, по мере того как в черту ее государственной границы включались народы, имеющие те же, что и она сама, права на византийское наследство. С одной стороны, в соответствии со своим идеальным образом Россия должна была эти права признать; отрицать их она не решалась. С другой стороны, логика создания Третьего Рима вела к унификации всей территории Российского государства, что неминуемо выражалось в значительном насилии по отношению к этим народам. Такая ситуация возникла, в частности, в Закавказье.

Кавказский хребет представлял собой что-то вроде крепостного вала, надежно защищающего южные границы России. Закавказье — площадка уже по другую, нерусскую сторону хребта, слабозащищенная, открытая всем ветрам, но зато удобная как плацдарм для дальнейшего движения на Персию или на Турцию. Поэтому неудивительно, что внутренняя политика России в Закавказье в значительной мере была обусловлена военно-стратегическими соображениями.

Цели хозяйственно-экономического и колониального освоения края отступали на второй план.

Край состоял из нескольких сложившихся государственных единиц, и поэтому с чисто прагматической точки зрения наиболее удобной формой управления Закавказьем было протекторатное правление. Но было ли это возможно, исходя из психологических особенностей самих русских?

Кроме того, два из трех основных закавказских народов имели права на византийское наследие. Прежде всего это касалось грузин, сохранивших чистоту православия в самых тяжелых условиях и в некоторые моменты истории оказывавшихся чуть ли не единственными хранителями эзотерической православной традиции.

В русском имперском сознании столкнулись две установки: с одной стороны, эти народы должны были иметь в империи статус, равный статусу русских (этого требовали *религиозные* составляющие имперского комплекса). С другой — они должны были быть включены в гомогенное пространство империи (как того требовали *государственные* составляющие этого комплекса), что было невыполнимо без систематического насилия над такими древними своеобразными народами, как грузины и армяне. Если насилие по отношению к мусульманам в рамках русского имперского комплекса еще могло найти внутреннее оправдание, то насилие над христианскими народами просто разрушало всю идеальную структуру империи как Великого Христианского царства и превращало ее в голый этатизм, без иного внутреннего содержания, кроме прагматического. Лишенная сакральной санкции империя должна была моментально рассыпаться (что и произошло в наше время). С прагматической точки зрения она мало интересовала таких прирожденных идеалистов, какими всегда были русские. Когда же русские пытались последовательно воплощать идеальное начало своей империи, то не справлялись с управлением государством и приходили к психологическому срыву.

Закавказье: от унификации де-юре к самоуправлению де-факто.

Нельзя сказать, что государственным образованиям Закавказья было отказано в праве на существование без всякого колебания. Однако в конечном итоге победил унитарный взгляд, и Закавказье было разбито на ряд губерний по обще-российскому образцу; социальная структура закавказского общества была также переформирована на манер существовавшей в России; была упразднена автокефалия грузинской церкви. Таким образом, в социальном и административном плане однородность Закавказского края со всей прочей российской территорией была достигнута рядом реформ, правда, растянутых на несколько десятилетий.

Что же касается правовой и гражданской гомогенности населения Закавказья в Российской империи, то здесь сложилась крайне любопытная ситуация.

Включение в российский государственный механизм мусульманского населения края было для русских властей делом относительно нетрудным. Это были не первые и не последние мусульмане, которые в результате расширения границ империи оказались на ее территории, и принципы управления мусульманским населением были уже отработаны.

Иначе обстояло дело с грузинами и армянами. Во-первых, они были христиане, что уже само по себе ставило их на одну доску с русским; во-вторых, они не были завоеваны, а вошли в состав Российской империи добровольно — и все правители Кавказа, вплоть до времен князя Голицына, «держались того принципа, что туземцы, в особенности христианского вероисповедания, те, которые добровольно предали скипетру России, должны пользоваться полным равноправием»¹⁶. Бо-лее того, они сами могли считаться завоевателями, так как принимали активное

¹⁶ В и т т е С.Ю. Воспоминания. М., 1950, с. 263. 60

участие в покорении Закавказья русской армией, потом в замирении Кавказа, а затем в русско-турецкой войне, когда значительная часть командных постов в кавказской армии была занята армянами. А это уже давало не просто равноправие с русскими, а *статус русского*. «Армянин, пробивший себе дорогу и стяжавший себе имя в кавказской армии, *сделался русским*, пока приобрел в рядах такой высоко- и художественно-доблестной армии, как кавказская, честное имя и славу храброго и способного генерала»¹⁷. Именно на этом основании гр. Витте утверждает, что мы «прочно спаяли этот край с Россией»¹⁸.

Таким образом, кажется, что единство Закавказья с Россией достигнуто, и проблем не остается. Размышление об этом приводит русского публициста в экстаз: «Возьмите любую русскую окраину: Польшу, Финляндию, Остзейский край, и вы не найдете во взаимных их отношениях с Россией и русскими того драгоценного (пусть простят мне математическую терминологию) «знака равенства», который (...) дает право говорить, что край этот завоеван более духом, чем мечом (...) Где корень этого беспримерного знака равенства? Лежит ли он в добродушной, справедливой и откровенной природе русского человека, нашедшего созвучие в природе кавказца? Или, наоборот, его нужно искать в духовном богатстве древней восточной культуры Кавказа?»¹⁹.

Однако практическое следствие этого «знака равенства» вызвало шок, не скажу у русского общества в целом (оно было мало информировано о закавказской жизни), но почти у каждого русского, которого по тем или иным причинам судьба заносила в Закавказье. Практически все отрасли промышленности и хозяйства, вся экономика и торговля края, почти все командные должности (и гражданские, и военные), юриспруденция, образование, печать — были в руках у инородцев. Власть, очевидно, уходила из рук, и заезжий публицист предлагает разобратся, что же русская власть в конце концов собирается создать на Кавказе — Россию или Армению, и с ужасом восклицает: «Состав кавказской администрации и чиновничества по сравнению со всей Россией совершенно исключительный: ни по одному ведомству здесь нет, не говорю уже русской, но хотя бы полурусской власти»²⁰. И эта власть казалась уже не просто нерусской, а антирусской. В таких случаях особенно возмущало противодействие кавказской администрации русскому переселению. «Лозунгом было избрано категорическое заявление: «На Кавказе свободных мест для поселения русских нет». Оно распространилось и в административной сфере, и в прессе, постепенно укоренилось в общественном мнении»²¹.

Таким образом, мы можем заключить: несмотря на то, что в Закавказье были уничтожены все прежде существовавшие государственные формирования и все системы местной власти, в крае де-факто складывалось самоуправление, причем почти неподконтрольное для русских, власть наместника становится почти номинальной. Мы говорим здесь только о внутренних делах края, поскольку в целом его зависимость от России полностью сохранялась, так же как и стратегические выгоды России от владения краем.

Однако сложившееся положение вещей все более и более раздражало русских. Та форма правления, которая утвердилась в Закавказье, не могла быть названа даже протекторатной, так как протекторат предполагает значительно больший (хотя и замаскированный) контроль над местным самоуправлением (по крайней мере, упорядоченность этого контроля, поскольку в закавказском случае часто заранее нельзя было сказать, что поддавалось контролированию, а что нет) и отрицает «знак равенства». Между тем именно «знак равенства» и создал неподконтрольность местного управления. Любой русский генерал имел равно те же права, что и генерал грузинского или армянского происхождения, а Лорис-

¹⁷ Кн. Мещерский. Кавказский путевой дневник. СПб., 1876, с. 319.

¹⁸ Витте С. Ю. Указ. соч., с. 107.

¹⁹ По гоже в В. П. Указ. соч., с. 128—129.

²⁰ Шавров Н. Русская колонизация на Кавказе. «Вопросы колонизации». Т. 8. СПб., 1911, с. 65.

²¹ Там же, с. 141.

Меликов, занимая пост министра внутренних дел Российской империи, мог ответить отказом Наместнику Кавказа Великому князю Михаилу Николаевичу на его предложение о заселении Карсской области русскими крестьянами. Область была в значительной степени колонизирована армянами, т. е. последние взяли на себя и колонизаторские функции, которые русские совершенно не собирались выпускать из своих рук.

Для русских как для колонизаторов складывалась замкнутая ситуация: соблюдение в крае общих принципов русской туземной и колонизационной политики давало результат, обратный ожидаемому. При наличии всех внешних признаков гомогенности населения края населению метрополии (христианское вероисповедание, хорошее владение русским языком, охотное участие в государственных делах и военных операциях на благо России) реально оказывалось, что дистанция не уменьшалась. Русским оставалось либо закрыть на это глаза (коль скоро стратегические выгоды сохранялись), либо стараться сломать сложившуюся систему. Последнее и попытался осуществить князь Голицын.

При Голицыне начинается спешная колонизация и русификация края. Однако ожидаемого положительного результата не получается. Русские колонисты с завидным упорством завозятся в Закавказье, где, не привыкшие к местному климату и не встречая серьезную заботу о себе со стороны местных властей, десятками заболевают малярией и гибнут, а сотнями и тысячами уезжают из Закавказского края искать лучших земель. На их место пытаются завезти новых. Попытка же форсированной русификации края приводит к страшной кавказской смуте, «сопровождавшейся действительно сказочными ужасами, во всех трех проявлениях этой смуты: армянские волнения, армяно-татарские распри и так называемая "грузинская революция"»²².

Русская администрация оказывается вынужденной отступить и взглянуть на вещи спокойнее. Новый наместник Кавказа гр. Воронцов-Дашков закрывает на несколько лет Закавказье для русской колонизации, признав, что опыты «водворения русских переселенцев давали лишь печальные результаты, и население сел, образованных ранее, почти повсюду изменилось». Отменив же меры по насильственной русификации края, новый наместник с удовлетворением обнаруживает, что в Закавказье «нет сепаратизма отдельных национальностей и нет сепаратизма общекавказского. (...) Нельзя указать случаев противодействия преподаванию русского языка»²³.

Таким образом, все возвращается на круги своя. Население Кавказа снова превращается в лояльных граждан империи, но все ключевые позиции в крае, особенно в экономической, торговой и образовательной сферах, остаются полностью в их руках, водворения русских крестьян-колонистов не происходит, и власть в крае, по существу, продолжает оставаться нерусской, точнее, номинально русской.

Конфликт русского колониального сознания.

Закавказье оказалось для русских как носителей колониальной установки конфликтогенной территорией.

Русская колонизация накатывала волной и разливалась свободным спокойным потоком по «гладкой местности», слабозаселенной или населенной полудикими племенами, не знавшими своей государственности. Исследователи русской колонизации указывали на удивительную способность русских «общаться с варварами, понимать и быть ими понятыми, ассимилировать их с такой легкостью, которая не встречается в колониях других народов»²⁴. При этом русским оказыва-

²² Погожев В. П. Указ. соч., с. 15.

²³ Всеподданнейший отчет за 8 лет управления Кавказом Геиерал-Аадъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913, с. 14—15.

²⁴ Кн. Мещерский. Указ. соч., с. 17.

лось достаточно «тонким слоем разлиться по великому материку, чтобы утвердить в нем свое господство»²⁵.

В случае прямого сопротивления, нежелания покориться русской власти русские тоже не испытывали никаких психологических сложностей: в дело вступали армия или казачество, следовали карательные экспедиции. Непокоренных выдворяли с обжитых территорий и селили на новые, где они, оторванные от родной почвы, постепенно ассимилировались. Препятствием для русской колонизации всякий раз становились культурные народы, народы, обладающие собственной государственностью и воспринимающие приход русских как зло, как, например, китайцы в Приамурье или государственные образования в Туркестане. Но и там был возможен либо подкуп верхушечных слоев общества, либо опять-таки карательные мероприятия.

Наиболее бессильными русские чувствовали себя в местностях, населенных культурными народами, где их власть была встречена с удовлетворением (как в Финляндии) или даже с радостью (как в Закавказье). Ассимиляционные процессы там не продвигались ни на шаг, а карать и наказывать туземцев было решительно не за что. Местные жители полагали, что делают все от них зависящее, чтобы власти были ими довольны, и русские, если рассматривали дело спокойно, были вынуждены признать, что это действительно так. Однако применение общей туземной политики давало обратный результат. Отказ от протекторатного правления «де-юре» привел к нему же «де-факто», но только в формах, менее удобных для колонизаторов, чем если бы они установили это правление сами и контролировали его. На практике получилась какая-то уродливая форма протектората, уродливая именно своей неустойчивостью и неопределенностью, которая вынуждала обе стороны постоянно «тянуть одеяло на себя», приводила к срывам типа голицынского правления и кавказской смуты, после чего установилось новое «перемирие», столь же неустойчивое.

Русские крестьяне-колонизаторы, демонстрировавшие свою выносливость и приспособляющиеся к климату самых разных частей империи, не могли свыкнуться с климатом Закавказья и осесть здесь. Возможно, они инстинктивно ощущали двусмысленность и неопределенность государственной политики в Закавказье, не чувствовали за собой сильную руку русской власти, не могли сознавать себя исполнителями царской государственной воли, будто бы водворение их здесь было всего лишь чьей-то прихотью. Край был вроде бы завоеван, а Россией не становился. Ощущение не-России заставляло их покидать край. Переселенцы не столько не получали действительной помощи себе, сколько чувствовали моральный дискомфорт из-за «нерусскости» власти, из-за нарушения колонизаторских стереотипов, из-за того, что рушилась нормативная для них картина мира: то, что по всем признакам должно быть Россией, Россией не было. Но эта не-Россия была невраждебной, она не вписывалась в образ врага русских, против которого могла быть применена сила. Голицынские реформы в большей части русского общества и членов русского правительства вызывали лишь негативную реакцию.

При самых благоприятных исходных условиях взаимных установках между русскими и закавказцами (грузинами и армянами) росло недовольство друг другом, готовое перейти во враждебность.

Во времена гр. Воронцова-Дашкова в Закавказье вновь воцарился мир. Но вероятнее всего он был бы временным, и вслед за некоторым периодом успокоения неминуемо бы последовала новая вспышка насильственной русификации, а вслед за ней новая смута. Грозил эра постоянных неурядиц, в результате которой и жизнь местного населения, и жизнь русских в Закавказье могла бы превратиться в сплошной кошмар.

Однако ситуация была еще сложнее. После окончания первой мировой войны по плану раздела Османской империи между державами Согласия по так называ-

²⁵ И г н а т ь е в Е. Россия и окраины. СПб., 1906, с. 97.

емому плану Сайкс-Пико к Российской империи должны были отойти восточные вилайеты со значительным армянским населением. Насколько русские способны были переварить подобное приобретение? На повестку дня вновь вставал вопрос об армянской автономии (в пределах этих вилайетов). Во всяком случае армянам, сражавшимся на кавказском фронте, как и армянам в Турции, отказывающимся сражаться против русских войск, позволялось надеяться именно на такой исход своей судьбы.

Памятуя об идеальном образе Российской империи, Евг. Трубецкой писал: «Как в 1877 году на нашем пути к Константинополю лежала Болгария, так же точно нам на этом пути не миновать Армению, которая так же не может быть оставлена под турецким владычеством: ибо для армян это владычество означает периодически повторяющуюся резню. (...) Только в качестве всеобщей осво-бодительницы малых народов и заступницы за них Россия может завладеть Константинополем и проливами». А между тем русский генералитет и наместник Кавказа Великий князь Николай Николаевич настаивали на включении ар-мянских вилайетов в единое государственное пространство России с универсаль-ной для всех областей системой управления. Коса нашла на камень. А Россия уже стояла на пороге катастрофы.

* * *

То, как русские видели свои колонии и их население, находилось в прямой зависимости от того, как они видели себя самих и свое государство. Это опреде-ляло идеальный план внешней политики Русского государства и мифологему Российской империи. Прочность этого идеального плана обуславливала и реаль-ную силу империи, ибо та могла существовать лишь пока могло выражаться ее идеальное содержание, хотя бы в противоречивой форме, пока она имела смысл в глазах русского народа. Подавление религиозной составляющей имперского ком-плекса разрастающейся этатистской его составляющей должно было вести народ-ное имперское сознание к кризису.

... Когда в русском генеральном штабе составляли первый реальный план захвата Константинополя, то Второй Рим поминали уже лишь для красного словца. На первый план выходят экономические мотивы: речь идет уже, собствен-но, не о Константинополе, а о проливах, являющихся основными воротами российского экспорта. Когда-то лады Киевского князя шли на Константинополь, чтобы завладеть его богатствами, но были разбиты бурей. Впоследствии эта неудача была понята русскими как Высшая справедливость: языческая Русь, искавшая лишь корысти, не имела морального права покушаться на Царь-град, тогда еще оплот христианского мира. Через тысячу лет другая попытка овладеть Константинополем с той же целью провалилась. И причиной тому была русская революция, связанная с крушением той картины мира, на которой зиждилась Российская империя. Последние десятилетия империя удерживалась лишь пря-мым насилием над всеми ее гражданами — русскими и нерусскими — с помощью туземной политики, возводившей этатизм в квадрат оригинальным скрещиванием протекторатной формы правления с унитарной. Но внутреннее содержание империи уже было выхолощено, ее мифологема была заменена на пародию, внешне копирующую основные черты.

²⁶ Трубецкой Евг. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915, с. 24.